

Д.А. Погорелова

Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко

Два плана бытия в ранних рассказах В.В. Набокова

Аннотация: В статье рассматривается оформление концепции двухплановости бытия в рассказах В.В. Набокова, анализируются основные аспекты поэтики ранних текстов, ставшие впоследствии ключевыми для творчества писателя.

The paper considers the process of forming the concept of two planes of existence in V.V. Nabokov's short stories. Analysis is made of the main aspects of the poetics of his early texts, which later became the key ones in the writer's works.

Ключевые слова: В.В. Набоков, двойное бытие, двухплановость, двоемирие, сознание, реальность.

V.V. Nabokov, dual being, two planes of existence, world duality, consciousness, reality.

УДК: 821.161.1+929Набоков

Контактная информация: Украина, Луганск, ул. Оборонная, 2а. ЛНУ, кафедра всемирной литературы. E-mail: darya_pohorielova@mail.ru.

Осознание существования двух миров и балансирование между ними, попытки найти идеальную модель ирреальности в реальном, потустороннего в действительном, – все эти черты отражаются в юношеских стихах и поздней головоломной прозе, в абсурдистских драмах и невесомой, как дымка, ткани рассказов, в «бюргерских» романах и фантазмагорических антиутопиях, в лекциях, переводах, критических статьях. Тысячи страниц, созданные Набоковым в течение жизненного пути, призваны выразить невыразимое, томящее знающего, неизменно раздвоенное, что составляло суть писательской прозы и в разные времена называлось различными критиками «диссонанс», «загадка», «феномен», «дар».

По нашему мнению, двоемирие как художественная реальность, сосуществующая с истинной реальностью, действительность в рамках и за рамками сознания есть главный предмет набоковских размышлений. А. Долинин подчеркивает, что двоемирие есть «метатема» Набокова, то есть тема, объединяющая все тексты Набокова и позволяющая говорить о единой повествовательной вселенной писателя. В связи с этим исследователь выделяет аспекты или планы двоемирия [Долинин, 2004, с. 20].

Двойственность бытия обнаруживается в большинстве произведений Набокова: во всех, без исключения, романах, в подавляющем большинстве зрелых рассказов, в поэтических текстах и драмах. Оформление концепции двоемирия в прозе Набокова развивается по спирали: изначальные послышки ранних рассказов находят более полное и сильное звучание в зрелой прозе. Основные темы и мотивы, характерные для зрелого Набокова, намечаются в его ранней прозе, поэтому исследование его рассказов представляет несомненный интерес.

Для первых прозаических опытов Набокова налицо слишком однозначные попытки поймать в фокус трансцендентное. Отсюда библейская тематика, использование образов ангелов, небесных пейзажей, недвусмысленные обращения к потустороннему. В рассказах 20-х годов появляются существа, явно пришедшие

из другого мира. Молодой писатель выписывает эти образы с максимальной точностью, явно демонстрируя их осязаемость, материальность. В «Нежити» герой – Леший, костлявый, с забавным кадыком и заостренными ушами, – нежить, «перекинувшаяся» в мужичка, изгнан из России, из опозоренных и уничтоженных мест, в которых он когда-то был вдохновением и «вековым очарованьем» [Набоков, 2004, с. 31]. Рассказчик слушает горестную повесть до странности знакомого ему существа до тех пор, пока холодные пальцы не касаются его: происходит контакт мира «нежити» с миром человеческим, после чего рассказчик обнаруживает себя в пустой комнате, и читателю остается только гадать, не было ли все происшедшее сном. Также и герой рассказа «Слово» пытается удержать гостей из небытия, цепляясь за «волнистую, жаркую бахрому изогнутых перьев» [Набоков, 2004, с. 33]. Невозможность происходящего смягчается той оговоркой, что события происходят во сне. Ангел, который снисходит к рассказчику и соглашается его выслушать, по некоторым признакам «еще не совсем отвернулся от земли», то есть, как и существо из «Нежити», принадлежит одновременно двум реальностям.

В рассказе «Удар крыла» исполинская белизна вспыхивающего неба, бездна, раскинувшаяся над головами героев, разговоры о Боге предвещают появление ангела – еще более осязаемого, чем в «Слове»: со звериным запахом, вздутыми синими жилами, липкими плечами, сырой шерстью. Другой мир нарастает вокруг героя сначала в виде великолепных горных пейзажей, далее в виде странных звуков доносящихся из соседнего номера, наконец, в образе ангела, который, по догадкам Керна, живет в горах и питается мясом горных птиц. Когда странный ночной гость из мести убивает девушку на глазах Керна, герой, который единственный из всех очевидцев может объяснить проломленную грудную клетку Изабеллы, потихоньку возвращается к себе в номер, чтобы покончить с собой и окончательно прервать связь с этим миром.

Набоков снова обращается к небесным стихиям в рассказе «Гроза». Образ огненной колесницы, с грохотом несущейся по небу, превращается в реальность: перед изумленным рассказчиком проносится Илья-пророк, еле сдерживающий гигантских коней. Примечательно, что, когда громовержцу приходится спуститься с неба для поиска колеса, он оказывается тощим костлявым стариком, а колесо, найденное рассказчиком, – ржавым тонким кругом, как от детской коляски. Но стоит Илье вернуться на небо, солнце преломляется в огненных спицах, и пророк, облаченный в пламя, сливается с райской тучей и исчезает в воздушном ущелье. Также в рассказе «Боги», по мнению Б. Бойда, «Набоков еще пытается найти средства для передачи необычного, скрытого за обычным, – сверхчеловеческого, вторгающегося в человеческое» [Бойд, 2010, с. 259–259]. Златокудрый мальчик, рисующий мелом на асфальте распятого бога, крылатая женщина в окне, как и в прежних рассказах, привычно вторгаются в ткань бытия «по эту сторону». Рассказчик воображает себя и ту, к которой обращается, богами, которым все подвластно, которые едины со всем, что их окружает. Герой отрицает смерть, потому что смерть просто не может существовать, пока по весенней улице, украшенной липами, благоухающей цветами, ведут верблюда. Так и Антон Петрович в рассказе «Подлец», подъезжая к назначенному месту для дуэли, будет думать о том, как нелепо умереть в столь дивное утро. Мысль об отрицании и невозможности смерти звучит все увереннее по мере того, как герой «Богов» приближается к кладбищу, где похоронен его сын. Отказываясь войти на кладбище, повторяя, что смерть не может существовать, пока они едины со всем, что так явственно существует, цветет и благоухает вокруг, герой хочет подняться и, раскинув руки, приветствовать незримые толпы радужных богов. Это единение с миром, примирение мира живых и мира невидимых сущностей, космическая синхронизация становятся мотивами уже ранних произведений Набокова, а в более поздних произведениях эта грань между мирами, эта двойственность бытия будет еще изящнее маскироваться писателем.

Помещение существ из иного бытия в человеческий мир, их нарочитая материализация парадоксальны. В более поздних работах Набоков будет искать другие пути к потустороннему. Целый ряд его произведений вмещает намеки на существование тайны, на возможность погружения в эту тайну и отстранение от нее. От нарочито прямого пути к запредельному в «Слове» Набоков обращается к намекам в «Звуках».

Рассказ начинается с попыток героини игрой на фортепьяно заглушить звуки дождя. Наблюдающий за ней рассказчик ощущает музыкальное родство серебристых призраков дождя и склоненных плеч героини. Весь мир предстает как целостный, однородный и управляемый по законам гармонии; герой, героиня, все сущее становятся сочетанием звуков в нотном стане. Рассказчик осознает, что все в мире есть единение идентичных частиц, несущих в себе разные виды гармонии. В «Звуках» герой ощущает себя одновременно участником и наблюдателем, фиксатором происходящего; его сознание одновременно пребывает в настоящем и отстраняется от него.

Мотив связи человека со всем сущим появляется в рассказе «Благость», герой которого осознает, что радость, которую он поначалу искал только в своей возлюбленной, на самом деле находится вокруг него, «в пролетающих уличных звуках, в подоле смешно подтянутой юбки, в железном и нежном гудении ветра, в осенних тучах, набухающих дождем», понимает, что мир есть «мерцающая радость, благостное волнение, подарок, не оцененный нами» [Набоков, 2004, с. 114]. Такое понимание человеческого бытия, как элемента бытия космического, позволяет Набокову по-новому взглянуть на проблему двойственности мира.

В рассказе «Ужас» происходит, напротив, абстрагирование от действительности: герой отделяет свое «я» от самого себя и некоторое время созерцает мир, в котором нет его самого, а, следовательно, нет и смысла. Реальность существует лишь постольку, поскольку существует творящее ее сознание: эта мысль станет ключевой для прозы Набокова, красной нитью пройдет через романы «Машенька», «Отчаяние», «Приглашение на казнь», «Дар», «Лолита», «Ада». Такими же новыми нотами звучит «Письмо в Россию», наполненное ощущениями, светотенями, яркими пятнами, размытыми красками. Герой представляет, как будет выглядеть мир, когда его самого не станет, но в отличие от рассказчика в «Ужасе», ужаса не испытывает. Детали, моменты, вспышки чувств, составляющие человеческую жизнь, проходят, чтобы далее потомки скучали над историей потрясений предыдущих поколений, все преходящее, и только счастье вечно. Эта мысль сближает Набокова с романтиками.

Впервые два плана бытия и пограничное существование сознания во время перехода из одного мира в другой оформляются в рассказе Набокова «Катастрофа». Читателю предоставляется возможность вместе с Марком ощутить «толстую молнию», пронзившую тело, броситься в бездну вместе с героем. В «Катастрофе» намечается один из излюбленных приемов Набокова – раздвоение личности героя: ничего не подозревающий читатель следует за Марком, который спешит к невесте, любясь чудесными зодческими украшениями в небе, проходит насквозь фургон с мебелью, попадает от калитки дома сразу в столовую. Внезапно Клара ускользает из объятий, расплывается, и Марк находит себя на операционном столе. Повествование опять смещается, и посторонний наблюдатель словно окидывает взглядом забинтованное, исковерканное тело Марка со стороны – а Марк уже не дышит и уходит, «в какие сны – неизвестно» [Набоков, 2004, с. 147]. В рассказе «Пасхальный дождь» также характерен мотив существования на грани миров – полноценное счастье наступает в душе героини, когда она находится при смерти.

Такое же путешествие в мир небытия совершает другой герой Набокова – старик Хренов из неопубликованного рассказа «Наташа». Главная героиня, дочь Хренова, и симпатизирующий ей молодой человек совершают романтическую

прогулку и обмениваются выдуманными историями, после чего признаются друг другу во лжи. Далее Наташа возвращается домой и по пути встречает отца у газетного киоска. Обрадованная тем, что старику лучше, Наташа по его просьбе спешит домой и находит там умершего отца – у газетного киоска ей встретился призрак отца, его двойник из другого мира, подобно Марку, покинувший тело, но все еще ощущающий себя живым. Небылицы Наташи и Вольфа, которыми они продолжают совершенно всерьез делиться даже после обоюдного признания в выдумке, находят естественное продолжение в этой жизни после смерти в образе призрака из потусторонности.

Прием ложного развития фабулы с успехом применяется Набоковым в рассказе «Подлец»: Антон Петрович, сбежавший с места дуэли, воображает свое спокойное возвращение домой, где его уже поджидают бывшие секунданты и жена – жена угощает его бутербродом с ветчиной (так, чтобы торчало сальце), а товарищи наперебой рассказывают, что это Берг струсил и сбежал. Вернувшись из мира идеальной действительности к реальности гостиничного номера, Антон Петрович заказывает бутерброд с ветчиной и жадно впивается в него, тут же измазавшись в салe.

По-настоящему мистическим представляется рассказ «Рождество», в котором также затронута тема двух миров – мира жизни и мира смерти, причем смерть звучит в оптимистическом ключе: у героя рассказа умирает сын, но его безутешное горе прерывается – в комнате происходит чудо рождения, и пятнышки на крыльях роскошной бабочки, как окна, указывают на существование небытия, новой реальности. Так, в произведениях Набокова начинает звучать тема смерти как иной реальности, высшей сферы бытия. С рассказа «Рождество» начинается целый ряд произведений, в которых герою дана возможность наблюдать за реальностью, а читателю – возможность наблюдать в это время за героем. Эта двойственность повествования предстает как своеобразная модель «двойных доньшек» бытия: реальность, в которой находится герой, другая реальность, которую может созерцать герой, повествовательная реальность, как она разворачивается перед читателем.

Наконец, в рассказе «Terra Incognita» герою в бреду открываются проходы в иной мир. Слияние героя с великолепным пейзажем напоминает ранние рассказы Набокова. Вальеру, как и Марку в «Катастрофе», видятся в небе лепные дуги и розетки, он замечает блики зеркального шкафа. За несколько минут до смерти герой понимает, что привычный интерьер городской квартиры – не что иное, как искусно выстроенная декорация, в то время как синее тропическое небо – единственная истинная реальность. Вальер перед самой смертью тянется к записной книжке, чтобы записать что-то очень важное, но книжка выпадает из рук, герой шарит по одеялу – но тщетно. Подобным раздвоением сознания между миром «реальным» и миром, представленным, как декорация, будет наделен герой романа «Дар» Федор, также то блуждающий в экзотических далах вслед за отцом, то возвращающийся в неприхотливый быт берлинской комнаты.

Таким образом, двуплановость бытия Набокова намечается и выкристаллизовывается как основополагающая концепция его творчества уже в ранней прозе. Первые рассказы насыщены слишком явственными образами потусторонних существ, и это огрубляет понимание потустороннего; существование иной реальности в ранних рассказах зачастую связано с образами небес и миром снов. В дальнейшем попытки обозначения инобытия становятся все более изящными. Попытки проникнуть в тайну сознания и в то же время сохранить недосказанность приводят к обозначению двух планов бытия. Первые опыты с двумя реальностями проявляются в помещении героя в ситуацию двоемирия и наблюдения за ним, раскрытия возможности для героя перехода из одного мира в другой. Это приводит, с одной стороны, к возникновению ряда произведений с поливариантной развязкой и многозначностью толкования двоемирия, а с другой стороны, к опреде-

лению узора бытия, который идеально складывается из двух вечностей. Попытка заглянуть в щель между этими вечностями и обнаружить бытийные узоры дается избранным героям Набокова, призванным упорядочить хаос и обозначить связь времен.

Литература

Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография / Б. Бойд; пер. с англ. СПб., 2010.

Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина // Набоков В.В. Русский период: Собр. соч.: В 5 т. СПб., 2004. Т. 1. С. 9–25.

Набоков В.В. Русский период: Собр. соч.: В 5 т. СПб., 2004. Т. 1 / Сост. Н. Артеменко-Толстой; предисл. А. Долинина; прим. М. Маликовой.